

Полилог культурных традиций и ценности глобализма.

Одной из отличительных особенностей современного мира является глобализация как конститутивный фактор социодинамики постиндустриальных обществ. Палитра взглядов и оценок, когда речь заходит о глобализации, весьма разнообразна и противоречива. Во многих западных источниках утверждается, что глобализация ускоряет экономическое развитие, способствует упрочению мира и развитию демократии, инициирует становление идеологии солидарности. Однако немало и таких оценок, в которых глобализация рассматривается в негативных контекстах. Ее обвиняют в росте безработицы, инфляции, разрушении механизмов этнической и культурной идентичности, ведущих к конфликтам и нарастанию хаоса в мировом сообществе.

Как правило, когда говорят о глобализации, подчеркивая ее социально позитивный эффект, имеют в виду, прежде всего, изменения в области производственных и экономических отношений (торговля, финансы, рост новых технологий, транспорт, коммуникации и др.). Даже И. Валлерстайн, как один из самых авторитетных исследователей феномена глобализации, утверждает, что именно разделение труда и накопление капитала являются основной движущей силой мироэкономики в направлении к глобальному обществу. «Мы берем в качестве определяющей характеристики социальной системы существование внутри нее разделения труда, так что различные секторы либо географические зоны внутри нее зависимы от экономического обмена с другими для беспрепятственного и непрерывного обеспечения потребностей зоны».¹ Весьма часто в исследованиях глобализации экономика, политика, культура рассматриваются как органично сопряженные сущности, что представляется весьма сильной идеализацией.

Очевидно, что социокультурный аспект взаимодействия и динамики современных обществ обладает рядом специфических особенностей, которые весьма затруднительно эксплицировать, исходя из политэкономических моделей, аналогий и интерпретаций. Акцент на культурном аспекте глобализации позволяет зафиксировать ряд весьма важных и нетривиальных утверждений.

Прежде всего, едва ли возможно сегодня трактовать процессы глобализации социокультурного пространства как закономерное след-

ствие модернизации традиционных обществ и архаических социальных структур за пределами западной цивилизации. Чаще всего в рамках модернизационных сценариев воздействие Запада на различные сферы культурной жизни иных цивилизационных образований воспроизводилось в терминах «культурной экспансии», «декультурации», «культурного империализма» и т.д. Причем важно отметить, что этот терминологический набор был характерен не только для леворадикальной социологии, но и для многих официальных документов международных организаций и межправительственных соглашений.

Обычно этот тип культурной коммуникации рассматривался как включающий в себя следующие характеристики:

1. Перенос образа жизни и потребительских ориентаций, имманентно присущих западному обществу, в социокультурное пространство иных обществ;
2. Односторонний поток информации от «центра» к «периферии» и «полупериферии»;
3. Оценка западной культуры как универсальной, соответствующей принципам рациональной эффективной организации экономической деятельности и социальных отношений;
4. Формирование культурной элиты, которая призвана способствовать утверждению в обществе прозападных ценностей и ориентаций.

Начиная с 70-х годов XX столетия идеология модернизации в различных ее версиях становится объектом критики и конструктивной трансформации. К концу XX века представляется все более очевидным, что отношения между центром и множеством периферийных и полупериферийных социальных систем в области культуры носят гораздо более сложный и диалектический характер, нежели линейная зависимость традиционных культур от техногенной западной цивилизации. По меньшей мере можно выделить три основные конструкции или конфигурации, определяющие эти отношения: 1) симбиоз, 2) конфликт, 3) синтез.²

Симбиоз – минимальное взаимодействие, при котором поддерживается относительно независимое и автономное сосуществование культурно-национальных традиций и современной западной культуры. Примерами такого симбиоза могут быть модели соединения «западной техники и восточной морали»; «науки и человеческих ценностей»; «рационализма и гуманизма». При этом Запад традицион-

но выступает носителем преимущественно рационального и научно-технического начала, а Восток – морально-этического и гуманистического. Данный тип взаимодействия сохраняет актуальную возможность «многоукладного» и «гетерогенного» сочетания различных культурных форм и их экзистенциальных аппликаций.

Конфликтное взаимодействие – модернизация против традиционализма и этнокультурной автономизации. Наверное, это один из самых популярных и широко известных вариантов объяснения их существования в последние десятилетия.

Еще Махатма Ганди, подвергая тотальной критике западную цивилизацию (воплощенную в британской политике и культуре) за ее чрезмерную материалистическую ориентацию и забвение духовных ценностей, полагал, что общество вполне может обойтись без индустриализации, неизменно приводящей человека к культуре потребления и бездуховности. Следует подчеркнуть, что, как правило, отстаивание культурной самобытности незападных обществ, связано с активным использованием религиозных и даже квази религиозных форм ее защиты и апологетики. Критика и осуждение индивидуализма, потребительства и других пороков западного образа жизни базируются на принципах радикализма, как левого, так и правого его толка от марксизма до фундаментализма.

Синтез – может быть определен как взаимное опосредование и сочленение идущей с Запада волны модернизации и импульсов к сохранению культурной и социальной самобытности развивающихся стран. В этом процессе конституируется новое состояние культуры как общемировой целостности, характерное для постсовременности. Именно такой тип взаимодействия культур декларируется ныне как атрибутивный для эпохи глобализации. Ярким его проявлением выступает сфера туризма, которая кардинально интернационализировалась, но в то же время сохранила национальный колорит и верность аутентичным традициям.

Исходя из такого системного видения, взаимодействия различных культур и цивилизационных образований в современном мире можно более адекватно интерпретировать сам феномен глобализации в его социокультурном измерении.

Конечно, говоря об этом феномене, трудно удержаться от соблазна воспроизвести уже ставшие стереотипными оценки глобализации в сфере культуры как процессы распада и деструкции традиционных моральных ценностей; возникновение пугающих диспропор-

ций между так называемой «высокой культурой» и «популярной, или массовой» культурой, карнавализации культуры, которая благодаря техническим возможностям глобальной коммуникации утрачивает индивидуальное содержание и смысл и превращается в перманентную мозаику визуальных образов и символов клипового сознания.

Однако такая картина культурной глобализации едва ли будет адекватной и системно обоснованной. В работах М.Элброу, Э.Гидденса, И.Тирикьяна, Р.Робертсона и многих других современных исследователей данного феномена подчеркивается, что сущностными характеристиками процесса глобализации в сфере культуры являются следующие ее особенности.³

1. Пространственно-географическая акцентация социокультурных изменений, раскрытие механизмов взаимопроникновения и диалога различных культурных традиций. Эта акцентация приводит к тому, что время начинает все меньше и меньше значить в постсовременной цивилизации. В некоторых сферах жизни оно настолько сжато, что перестает восприниматься даже как символическая аллегория. Время все более осязаемо компьютеризируется и превращается в цифровую, или на английский манер digital-метафору. Оно необратимо отчуждается от биологических часов современного человека и социально-антропологических форм его хронометрии. Не случайно в последнее время так много говорят о «конце истории» (и не только в контексте широко известной интерпретации Фукуямы). Конец истории все чаще воспринимается и оценивается как тотальная индивидуализация социального времени. Общество перестает жить по единым социальным часам, в нем исчезает то, что для эпохи модерна было чрезвычайно существенным – солидарное понимание исторического времени как приоритетной системы координат для оценки прогрессивности любых социальных изменений. Такие понятия, как достигнуть, успеть, опередить, догнать, перегнать - в принципе теряют смысл вне единого исторического времени. На смену временному сегодня приходит пространственный аспект в оценке культурной и социальной динамики.

Вертикальная иерархия культурных и нравственных систем последних трех - четырех столетий, когда одни культуры рассматривались и оценивались как более развитые и продвинутые, а другие - как менее развитые и отсталые - сменяется горизонтальной иерархией, в которой глобальное и локальное переплетаются и взаимопосредуют друг друга. Это неизбежно трансформирует традиционные представ-

ления об этических нормах и принципах нравственного регулирования деятельности и общения людей.

2. Взаимосвязь макро- и микроуровней в происходящих культурных изменениях. Здесь речь идет о том, что глобализация проникает в самые глубины социальных структур и кардинально трансформирует их сущностные основания на уровне семьи, обычаев, стереотипов поведения, эстетических предпочтений и т.д. Эти трансформации, происходящие на микроуровне человеческого бытия, приобретают статус важнейших социокультурных мутаций, инициирующих глобальные изменения в мировом сообществе благодаря современным системам коммуникации.

3. Активное продуцирование «социокультурных гибридов», в которых ситуативно и механически сочленяются различные традиции, жанры, стили и т.д. Как правило, для них характерны нестабильность, эпатажирующая экзотичность, поточные формы производства и короткий период существования (например, в сфере образования, туризма, труда все ощутимее проявляются влияния рекламы, масс-медиа, шоу-бизнеса и т.д.).

Есть немало оснований полагать, что все ощутимее заявляющая о себе новая и пока еще отчасти девиантная гибридная культура вскоре может превратиться в базовую и определяющую основные технологии социализации и образования (особенно в нестабильных обществах с кризисной системой социальных институтов).

4. Подчеркнутый интерес к проблемам пола, телесности, гендерных отношений, т.е. тем феноменам, которые получили название «примордиальных», и, как правило, вытеснялись обществом на периферию культурного пространства, находились под моральным контролем и цензурой.

5. Формирование новой концепции рациональности, в которой в качестве доминирующих утверждаются принципы социокультурного плюрализма, релятивизма и комплиментарности.

Возникает вопрос: насколько же перечисленные особенности феномена глобализации способствуют утверждению принципов равноправного и демократического участия различных национальных культур и цивилизационных стратегий развития в формировании единого социокультурного пространства. Одно из важнейших положений «Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии» гласит: «... процесс глобализации, стимулируемый быстрым развитием новых информационных и коммуникационных технологий, хотя и

представляет вызов для культурного разнообразия, вместе с тем создает условия для нового диалога между культурами и цивилизациями».

Две проблемы смыслоопределяют содержание данного положения «Всеобщей декларации...». Это вопрос о роли и статусе процесса глобализации в конституировании реальностей современного мира, о подлинных ценностях глобализма и проблема нового типа межкультурной коммуникации, нового диалога между нациями и народами в сфере культурного взаимодействия.

Несмотря на то, что глобальная цивилизация, на первый взгляд, интенсивно вытесняет ценности локальных культур на периферию современного социокультурного пространства, в последние годы очевидно заявляет о себе и альтернативная тенденция этнокультурной автономизации и акцентированного стремления народов любой ценой сохранить свою национально-культурную идентичность. В этих условиях весьма актуальной становится проблема поиска и обоснования адекватных форм межнациональных и даже межцивилизационных отношений в современном мире.

Нередко эти отношения характеризуются весьма высоким уровнем противостояния и напряженности, что дало возможность С. Хантингтону в своей книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» провозгласить тезис о неизбежном конфликте между различными культурно-цивилизационными системами.

Еще в 1993 году С. Хантингтон в широко известной статье «Столкновение цивилизаций?», опубликованной в журнале «Foreign Affairs», высказал идею о том, что в современных условиях определяющим вектором глобальной социодинамики является кристаллизация конфликтных взаимодействий по «демаркационным линиям», разделяющим различные цивилизационные типы. В книге этот основной тезис получает системное обоснование и интерпретируется как результат не только экономической эволюции рассматриваемых цивилизационных образований, но и форм их социокультурной динамики. «В новом мире основные различия между людьми и между народами носят не идеологический, не политический, не экономический, а культурный характер».⁴

Разделяя базовые установки концепции локальных цивилизаций, С. Хантингтон утверждает, что основными действующими лицами в мировой политике сегодня являются те цивилизационные системы, которые эффективно противостоят культурной экспансии извне и целенаправленно утверждают собственные социальные и нравствен-

ные ценности. Он солидарен с выводом Генри Киссинджера, который полагает, что «В XXI веке международная система будет включать по крайней мере шесть основных держав: Соединенные штаты, Европу, Китай, Японию, Россию и, возможно, Индию, а также множество стран среднего и малого размера».⁵ По мнению С. Хантингтона эти страны принадлежат к пяти цивилизациям, определенно отличающимся друг от друга прежде всего в сфере социокультурного опыта и традиций, ответственных за образ жизни и нравственные ценности. «Разные цивилизации изначально придерживаются различных философских убеждений, основополагающих ценностей, социальных связей, обычаев, мировоззрения в целом».⁶

Запад как был, так в ближайшем будущем и останется могущественной и лидирующей цивилизацией в сложившейся архитектонике мирового сообщества. Однако далеко не все цивилизационные системы ориентированы на то, чтобы оставаться в фарватере западной стратегии развития. Некоторые из них акцентированно стремятся к расширению собственного экономического и военного потенциала, сохранению и приумножению культурного наследия. Среди них, безусловно, выделяются китайская и исламская цивилизации. «Опасные столкновения могут возникнуть ... при соприкосновении западного высокомерия, исламской нетерпимости и китайской напористости».⁷ Особое внимание С. Хантингтон уделяет рассмотрению возможных перспектив развития исламской цивилизации, анализируя демографические, политические и социокультурные предпосылки ее становления и будущей динамики. Эта цивилизация, опирающаяся на мощную и глубоко укорененную культурно-религиозную традицию, всегда выступала непримиримым оппонентом западным и христианским культурным ценностям. И сегодня, в преддверии значительных социокультурных трансформаций XXI столетия она открыто демонстрирует свою устремленность в будущее, амбициозные планы и высокий потенциал пассионарности. Следует отметить, что анализ С. Хантингтона во многом оказался пророческим. По крайней мере, беспрецедентный всплеск антизападных выступлений и глобального терроризма в самом начале нового века и тысячелетия весьма симптоматично приобрел арабо-исламскую окраску и очертания. И это заставляет самым серьезным образом отнестись к сложной и противоречивой проблеме межцивилизационных взаимодействий, среди которых четырнадцать веков конфликтов и конфронтаций между исламом и христианством составляют драматический, но неотъемлемый опыт.

Идее столкновения цивилизаций противостоит концепция диалога между различными социокультурными системами. Диалог культурных традиций Запада и Востока стал в этом смысле классическим примером и убедительной иллюстрацией возможностей конструктивного взаимодействия различных культур и систем ценностей. Однако опыт и уроки глобализации требуют сегодня поиска более адекватных реальности образов межкультурного взаимодействия. В последнее время все чаще в качестве такого образа репрезентируется полилог или полифония культурных традиций. Полилог обычно трактуется как ценностно-информационное и экзистенциальное взаимодействие трех и более агентов социокультурных отношений, в процессе которых достигается адекватное понимание другого и сохраняется собственная национальная идентичность.

Сегодня уже не два голоса – Востока и Запада, но множество голосов различных культурных традиций претендуют на то, чтобы быть услышанными и понятыми. И эта полифония культуры – не только одно из определяющих проявлений «плюралистичности» и мозаичности современного мира, но и, что не менее важно, продуктивное условие для создания своеобразного эффекта культурного резонанса, в пространстве которого будут вызревать и формироваться принципиально новые системы ценностей и мировоззренческих ориентаций.

На первый взгляд, идея полилога культурных традиций осязаемо коррелирует с аксиологическими интенциями глобализма, в котором синтез, интеграция и опосредование цивилизационных систем являются смыслообразующими конструктами. Однако при более тщательном анализе выявляется условность и очевидная ангажированность подобных ассоциаций и аналогий. Скорее необходимо констатировать факт сложной, но принципиально важной суперпозиции этой идеи и базовых ценностей культуры постмодерна.

Дело в том, что сам феномен глобализма едва ли возможно оценить и идентифицировать в качестве однозначной политической или социокультурной доктрины. Скорее он органично амбивалентен и каждая из его возможных семантических и социальных проекций артикулировалась и востребовалась в зависимости от складывающейся экономической конъюнктуры. Глобализм 60-80-х годов был отмечен эсхатологическим восприятием “конца времен”, необходимостью радикального пересмотра технократической системы ценностей и соответствующей этой системе конфигурации расточительных социальных практик. Но к концу XX столетия происходит

принципиальная коррекция базовых утверждений глобализма и он переживает удивительную метаморфозу, превращаясь в некий “новый глобализм”, заявляющий о релятивизме и условности устаревших гуманистических идеалов и требующих в соответствии с принципами плюрализации современных социальных практик свободного доступа представителям привилегированного меньшинства (“золотого миллиарда”) к глобальным ресурсам планеты в соответствии с идеологией “открытого общества”. Именно этот “новый глобализм” А.С. Панарин вполне оправданно считает возможным рассматривать в контексте постмодернистской революции сознания, в результате которой оказываются дезавуированными высшие моральные ценности, любое долженствование и нравственное воодушевление объявляются необоснованной претензией культуры модерна. “Если выбирать между нигилизмом и восторженностью, плутоватой изворотливостью и прямолинейной честностью, беспринципностью и принципиальностью, циничной всеядностью безверия и чистой пламенной верой, то нет никакого сомнения в том, что постмодернисты отдадут предпочтение первому перед вторым”.⁸

Фантомы Великих идей и Ценностей как проявление логики конституирования “метанарративов” должны быть навсегда развенчаны и современная культура под воздействием информационных и коммуникационных технологий призвана ориентировать индивида на полицентризм и абстрактно понятую эффективность в любой форме деятельности.

“... Единственная позитивность, - пишет Ю.Кристева,- приемлемая в современную эпоху – увеличение количества языков, логик, различных сил воздействия. Поли-лог: плюрализация рациональности как ответ на кризис западного разума”.⁹

Постмодернистский дискурс намеренно акцентирует тематические приоритеты в терминах децентрализации, дезорганизации, деконструкции. Именно эти познавательные и социально-практические процедуры призваны подготовить реальное пространство полилога технологий, языков и культурных традиций. Семантическая и операциональная невнятность самого понятия “полилог” в данном случае весьма симптоматично коррелирует с высоким уровнем содержательной неопределенности в понимании деконструкции у самого Ж. Деррида. Говоря о деконструкции, он подчеркивает, что при этом речь должна идти не столько о разрушении, сколько о реконструкции, рекомпозиции ради

постижения того, как была сконструирована некая целостность. Это не анализ и не критика, термин этот несовершенен “Чем не является деконструкция? - да всем! Что такое деконструкция? - да ничто!”¹⁰ – заключает Ж.Деррида.

Постмодернистскую культуру нередко сравнивают с культурой поздней античности, которая в режиме эклектизма сочленяла идеи и принципы, обладавшие статусом культурных инноваций в предшествующие века. Выходящая за рамки классического логоса, она принципиально адогматична и чужда всякой замкнутости и концептуального тоталитаризма. Её символы – лабиринт, ризома, она отрицает наличие какого бы то ни было первосмысла или трансцендентального означаемого.¹¹

Полилог, полифония – эти термины, якобы аутентично фиксирующие ценностные установки на антифундаментализм и переход к новой многомерной парадигме мышления на основе принципов дополнительности и аксиологического плюрализма, оказываются, тем не менее, достаточно неоднозначными по своим смысловым акцентам и социокультурным импликациям. С одной стороны, акцентированная в них идеология децентрации и стимулирования интенсивных обменов («меновых практик») как атрибутивных характеристик современного глобального рынка товаров, идей, информации, признается в качестве универсальной программы социодинамики современного мира. С другой, последовательная реализация этой программы все ощутимее демонстрирует нежелательные для адептов глобализма последствия и парадоксы, которые нередко выступают в функции бумеранга, способного существенно поколебать сложившиеся в мировом сообществе механизмы поддержания status quo.

Базовые ценности глобализма позволяют моделировать такую конфигурацию межцивилизационных взаимодействий уже в первые десятилетия нынешнего века, которая чревата не только интенсивным распространением западных технологий, знаний и демократических институтов, но и резкой дестабилизацией сложившегося мирового порядка. Еще Арнольд Тойнби отмечал, что «В ходе своей экспансии современная западная секулярная цивилизация превратилась в буквальном смысле слова во всемирную, охватив своей сетью все остальные живущие цивилизации и все примитивные общества».¹² И сегодня она продолжает доминировать в мире, осуществляя с помощью ТНК и механизмов глобальной экономики присвоение значительной доли на-

ционального богатства менее развитых стран. И тем не менее тенденции развития межцивилизационных отношений таковы, что по пяти основополагающим параметрам (демографо-экологический; технологический; экономический; геополитический; социокультурный) происходят интенсивные изменения, свидетельствующие о том, что процессы глобализации все более осязаемо выводят на авансцену мирового развития незападные цивилизации четвертого поколения.¹³

Уже после второй мировой войны произошел радикальный сдвиг в сфере политических отношений и политического влияния западной цивилизации. Ее роль в этой сфере снизилась в 3,3 раза, в то время, как доля исламской цивилизации выросла в 5,4 раза, африканской – в 8 раз, латиноамериканской – в 1,8 раза. Еще более впечатляющими выглядят темпы роста численности локальных цивилизаций и характерные для них демографические процессы. Согласно прогнозу ООН к 2050 году православная (евразийская) цивилизация, возглавляемая Россией, сократит свою численность с 4,5% до 2,4% мирового народонаселения. Доля западнохристианской цивилизации также снизится с 13,2% до 8,9%. Конфуцианско-буддийская цивилизация, возглавляемая Китаем, сократится с 28,2% до 22,2%. В это же время африканская цивилизация возрастет на 940 млн. человек - с 9,2 % до 16,6 %, а наиболее агрессивная мусульманская – на 720 млн. человек, с 17,5 % до 19,6 %.¹⁴

Естественно такие диспропорции в политической и демографической динамике современного мирового сообщества не могут не породить новых тенденций в экономическом и социокультурном развитии, которые призваны компенсировать влияние этих диспропорций на глобальную социодинамику и обеспечить доминирование западных постиндустриальных обществ в ближайшей и стратегической перспективе.

Одной из таких новых тенденций является нарастание процессов, способствующих замкнутости и самодостаточности постиндустриального мира на фоне резкого снижения его зависимости от сырьевых и энергетических ресурсов развивающихся стран. Ожидается, что в ближайшие тридцать лет потребности стран – участниц ОЭСР в природных ресурсах из расчета на 100 долл. произведенного национального дохода должны снизиться в 10 раз – до 31 кг по сравнению с 300 кг в 1996 году. Как следствие такой экономической и социально-экологической политики растущие объемы товарных потоков концентрируются в границах постиндустриального мира. Уже в 1997 году

только 5 % торговых потоков, начинающихся или заканчивающихся на территории одного из государств ОЭСР, выходили вовне этой совокупности развитых стран, представляющих западную цивилизацию. Из развивающихся стран их совокупный импорт составляет сегодня не более 1, 2 % суммарного ВВП.

Еще более впечатляющая картина интеграции постиндустриального мира в рамках условного «золотого миллиарда» возникает в результате анализа современной инвестиционной политики. В 1990 году всего пять стран - США, Великобритания, Япония, Франция и Германия обеспечивали 75,3% мирового экспорта прямых иностранных инвестиций и 76 % их импорта. К середине 2000 года из десяти крупнейших фондовых площадок мира шесть находилось в США, три - в Западной Европе и одна - в Японии.¹⁵

Эти и многие другие факты и данные о реальном процессе экономической глобализации и его социокультурных последствиях заставляют усомниться в широко декларируемых оценках и прогнозах относительного будущего глобального сообщества, в котором равенство социальных возможностей и полилог культурных традиций станут неперенным условием совместного и гармоничного развития различных цивилизаций в направлении к постиндустриальным стандартам жизни.

Указанная программная идеализация в доктрине глобализма все более осязаемо обнаруживает свою утопичность и неадекватность реальным процессам мировой социодинамики. Данное обстоятельство убедительно подтверждает такой авторитет в области геополитики, как Збигнев Бжезинский.

Повторяя известное клише о цивилизационной миссии Америки, он вместе с тем достаточно откровенно и реалистично признает традиционно прагматическую направленность ее национальных интересов и геополитических ориентаций как лидера постиндустриального мира. «Окончательная цель американской политики должна быть доброй и высокой: создать действительно готовое к сотрудничеству мировое сообщество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества. Однако в то же время жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке».¹⁶ Еще более однозначен в своих оценках А. Гидденс, констатирующий, что «дальнейшее развертывание процессов глобализации будет отвечать американским интересам в частно-

сти и интересам западной модели капитализма в целом». ¹⁷ Характерно, что подобные прогнозы все более часто звучат из уст не только представителей западной интеллектуальной элиты, но и отечественных исследователей феномена глобализма. Так, М.М. Голанский утверждает, что «вместо ныне существующего хаотического и беспорядочного множества практически мало связанных и независимых стран в мире возникает жестко структурированное сообщество народов, тесно связанных экономическими и политическими узами... В ходе поступательного движения человечество неизбежно придет к глобальному тоталитаризму». ¹⁸

Конечно, существуют и другие мнения по данному вопросу. В частности, в работах Кочетова Э.Г., Осипова Ю.М., Яковца Ю.В. и др. подвергается сомнению тезис о растущей самодостаточности развитых постиндустриальных стран и перспективности такой модели будущего, в которой функции безусловного и монопольного лидера останутся за западной цивилизацией.

Как бы ни акцентировались дискуссионные аспекты в проблеме ценностей и приоритетов доктрины глобализма, необходимо четко уяснить, что магистральный вектор мировой социодинамики должен быть органично увязан с принципом полифоничности социокультурного пространства будущего мирового сообщества. Только в этом случае кардинальные противоречия в структуре современных межцивилизационных отношений могут быть конструктивно преодолены в процессе перманентного обмена людьми, идеями, знаниями и культурными ценностями. Вместе с тем было бы наивно и нереалистично полагать, что постмодернистские ассоциации и аналогии позволят сконструировать теоретические модели и концепции, рационально объясняющие взаимосвязь социокультурного полицентризма и экономической эффективности в модернизирующихся обществах. Очевидно, что эта концептуальная и практическая задача должна решаться на иных философско-методологических основаниях, среди которых принципы порядка, технологической рациональности и диалектического синкретизма будут использоваться как фундаментальные регулятивы мышления и действия. Метаморфозы глобализации убедительно демонстрируют огромные возможности и очевидную ограниченность социокультурного полифонизма как стратегии сосуществования различных культур и цивилизационных систем в эпоху постсовременности. Эта стратегия может претендовать на статус успешной и плодотворной лишь в том случае, если характерная для нее фаза

креативного хаоса и культурного разнообразия всегда будет порождать стремление к утверждению порядка и самоорганизации.

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С-Петербург, 2001. С.23.

² Ерасов Б.С. Цивилизационные изменения модернизации. Концепции симбиоза, конфликта и синтеза культур Запада и Востока// Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель Б.С. Ерасов. М., 1998. С.486-492.

³ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992; Albrow M. The Global Age. Stanford, 1997; Tiryakian E. The Wild Cards of Modernity// Daedalus, Spring, 1997.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка//Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 1999. С.532.

⁵ Kissinger H.A. Diplomacy. N.Y., 1994, p. 23-24.

⁶ Хантингтон С. Указ. соч., с. 534.

⁷ Хантингтон С. Указ. соч., с. 535.

⁸ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000, с. 199.

⁹ Цит. по: Панарин А.С. Указ. соч., с. 201.

¹⁰ Derrida J. Psychee. Invention de L'autre. P. , 1987. P. 391.

¹¹ Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб, 2000, с. 328-329.

¹² Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М – СПб, 1996, с. 142.

¹³ См. об этом. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.. 2001, с. 24-38.

¹⁴ Яковец Ю.В. Указ. соч., с. 24.

¹⁵ См. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего развития». М., 2000, с. 76, 79, 84, 83.

¹⁶ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999, с. 12.

¹⁷ Цит. по: Иноземцев В.Л. Указ. соч., с. 92.

¹⁸ Голанский М.М. Взлет и падение глобальной экономики// Ученые записки Института Африки РАН. Вып. 6. М., 1999, с. 63-64.